

ЯКОВ РУБАНЧИК. 330 БЛОКАДНЫХ РИСУНКОВ.

Фиксировать день за днем картину жизни осажденного города – на это были способны немногие. Сегодня, в 70-ю годовщину полного снятия блокады Ленинграда, наш рассказ – об уникальном человеке и художнике, пережившем блокаду и оставившем нам «Блокадный дневник».

Сегодня о блокаде говорят и пишут много. О том, как люди выстояли, как спасли себя и других, как не потеряли человеческого лица, хотя это было практически невозможно в промерзшем осажденном городе, где не осталось ни продовольствия, ни тепла, ни света, когда были истоплены последние стулья, шкафы, рояли. Люди съели всех кошек и птиц, и находились те, кто охотились за умирающими.

По-разному приходило спасение. Кто-то получал от заводов усиленный паек, кто-то имел доступ к продовольственным запасам. А кого-то хранило занятие искусством. Была написана во время блокады и прозвучала в филармоническом зале знаменитая 7-я симфония Дмитрия Шостаковича, поднимавшая дух ленинградцев, выходили актеры на сцену Блокадного театра (ныне Комиссаржевки), читала по радио свои пламенные стихи Ольга Берггольц... Были художники, которые фиксировали моменты жизни города в это жестокое время. Но чаще все-таки они воссоздавали увиденное в блокаду уже после войны.

А вот так, чтобы сделать больше трех сотен рисунков — не набросков, не эскизов, а совершенно полноценных, завершенных произведений, фиксировавших день за днем картину жизни блокадного города – на это были способны немногие. Такой уникальный пример явил ленинградский архитектор и художник Яков Рубанчик, создатель (в соавторстве с несколькими проектантами) знаменитых фабрик-кухонь, вошедших в мировую историю архитектуры эпохи конструктивизма, автор реконструкции площади у Финляндского вокзала с переносом памятника Ленину.

Корреспондент «НВ» связалась с родной племянницей Якова Осиповича Еленой Полонской, которая с 2002 года живет в Израиле. В этом рассказе – безыскусная правда и детское восприятие того времени: «Когда началась война, мне было всего два года, я стала помнить какие-то моменты, относящиеся уже к концу блокады. Но что-то мне рассказывала мама Евгения Осиповна, что-то – мой дядя Яков Рубанчик, которого мы все в нашем доме очень любили. Поразительно, что в то голодное блокадное время дядя Яков думал о спасении архитектурных памятников, делал обмеры Мальтийской капеллы Воронцовского дворца, написал и издал в 1944 году книги «Невский проспект», где обложка, все рисунки, фронтисписы были выполнены Яшиной рукой.

Мой дядя превратился в настоящего дистрофика, я знаю, что он буквально заставлял себя подниматься в нашей промерзшей комнате на Загородном проспекте и браться за рисование. Зимой дядя рисовал в перчатке с обрезанными пальцами, чтобы удобнее было держать карандаш или перо. Он макал перо в тушь или чернила и фиксировал самые пронзительные моменты – привоз «све-

жего товара» в магазин – гробы, сумерки над площадью Искусств, когда в небе висели заградители, разрушенный дом после первой бомбардировки на Невском проспекте в сентябре 1941 года, женщину, везущую на санках завернутый труп по занесенной снегом набережной. Есть и такие рисунки: женщины пропалывают грядки с капустой на разбитом у Исаакиевского собора огороде, торчат трубы печек из окон Екатерининского Дворца в Пушкине, идет эвакуация у Финляндского вокзала. И страшный рисунок гревшегося с вечера у радиатора грузовика человека, который к утру замерз... Но самая памятная для нашей семьи графическая работа – моя мама тянет на веревке вниз по обледенелой лестнице завернутую в одеяло мою умершую бабушку. У Яши хватило мужества перенести на бумагу этот момент прощания со своей мамой. Моя мама тоже в этот день совершила подвиг. Тогда не принято было возить тела на кладбище – у людей на это не хватало сил. Просто выкидывали трупы на улицу, и их подбирала специальная команда. Мама моя в лютый февральский мороз дотащила на санках бабушку до Охтинского кладбища. В муфте она несла немного табаку и денег. Этого хватило, чтобы расплатиться с могилокопателями - мужем и женой. Мама говорила: «Могли бы запросто тюкнуть лопатой по голове, и прощай». Но Бог уберег, она сумела с не двигающимися пальцами рук и ног вернуться домой.

Однажды мама заснула и замерзла в очереди за пайкой хлеба, но сквозь сладкий сон все-таки произнесла чужим людям свой адрес. Те привели домой почти труп. К утру мама отогрелась, проснулась. А в комнате никто уже не двигается, все лежат под одеялами, и Яша затих. Мама затопила буржуйку из очередного стула красного дерева, принесла воды, спекла дурандовые лепешки из жмыха подсолнечника. В общем спасла своих домашних. А значит, спасла и будущий Яшин «Блокадный дневник».

А то, что Яша в быту был совершенно неприспособленным человеком, показал еще один случай. Нас с мамой в начале осени отправили в эвакуацию. Мы уже выехали за Ленинград, но наш поезд попал под бомбежку. Через сутки мы снова были на Загородном. Тот мешочек сухарей, который мама оставила Яше на какое-то время, уже был им съеден. Так что если бы не вернулись, думаю, наш Яков Осипович долго бы не продержался.

Из блокадного времени я помню, что в какой-то момент у нас уже не было сил спускаться в бомбоубежище, мама садилась на кровать, обнимала меня, а я говорила: «Умирать – так вместе». И очень хорошо запомнила я тот день, когда праздновали снятие блокады 27 января 1944 года. Дядя Яша держал меня на руках – мы стояли на ступеньках здания биржи на Васильевском острове и смотрели салют. Вокруг было сплошное ликование. Тогда казалось, что впереди нас ждет только радость и счастье. Когда я увидела первых птиц в небе города, я спросила маму: «Это наши самолеты или немецкие?». И мама заплакала, услышав такой вопрос ребенка, который знал, что такое самолет, и не знал, как выглядят птицы.

Яша умер в 1948 году, ему не было 50-ти. Я не знала, что еще до войны Яша в результате несчастного случая потерял глаз. Из-за болезни глаза и недоедания в блокаду у него развился рак, и метастазы поразили все органы. До

последних дней он трудился над книгой «Неизвестный Ленинград», которую начал в 1943 году. Яша хотел оставить читателям рассказы и рисунки о самых потаенных дворах, тупиках, лестницах, домовых церквях города, который очень любил. Я не знаю большего патриота, чем мой дядя Яша. Он верил в этот бесценный город и его вечную жизнь.

В общей сложности за время блокады Яков Рубанчик создал 330 работ. Оригиналы рисунков цикла «Блокадный дневник» родные передали в Государственный музей истории города. А цикл удивительных графических работ Рубанчика, на которых запечатлены разгромленные во время войны пригородные дворцы «Расстрелянный Растрелли», находится сегодня в архивах КГИОПа. Выставка «Рисую блокаду». Дневник архитектора Я.О. Рубанчика. 1941-1944» проходит с 9 октября 2015 по 29 ноября 2015 в Невской куртине Петропавловской крепости.

На выставке представлено более 140 графических работ Я.О. Рубанчика из серии «Ленинград в дни Отечественной войны. Дневник архитектора». Острый взгляд художника подмечает страшные детали повседневной жизни блокадного города, которые остались за кадром широко известной блокадной фото- и кинохроники, о которых мы узнаем только сейчас из недавно открытых и опубликованных дневников и мемуаров.

Также в экспозиции демонстрируются 22 листа из серии «Расстрелянный Растрелли» из архива КГИОП: зарисовки разрушенных дворцов в пригородах Ленинграда, которые архитектор выполнил сразу после освобождения города от фашистской блокады.